

СТИХ «ВО СЛАВНОМ ВО ГРАДЕ ЯРОСЛАВЛЕ...», ЕГО КНИЖНЫЕ И ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ЛЮДМИЛА ВИТАЛЬЕВНА ФАДЕЕВА

(Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ:
Российская Федерация, 125000, г. Москва, Козицкий пер., д. 5)

***Аннотация.** Статья посвящена позднему русскому духовному стиху «Во славном во граде Ярославле...», известному по сборнику П. А. Бессонова «Калеки переходные», но многократно повторенному публикаторами в новейших антологиях. Содержание стиха откликается на житие святого князя Феодора Ростиславовича (Черного), мощи которого были прославлены в ярославских землях в XV в. и в дальнейшем широко почитались как в Ярославле, так и за его пределами. Анализ эпизодов стиха и их наиболее значимых смысловых деталей сделан на фоне обзора цикла житийных текстов о князе, составлявшихся в разное время. Отмечено, что стих использует своего рода штампы, характерные для жанра в целом, вследствие чего нивелируются противоречия в оценке деятельности князя, угадывающиеся в исторических источниках. Для содержания стиха более актуальной оказывается картина утешения скорбящего вдовца Богородицей, что позволяет упрочить представление о статусе святого князя как покровителя семейных уз, получившее распространение среди верующих. Соотнесение сюжетных эпизодов стиха с фактами из истории прославления ярославских святых позволяет уточнить вопрос о времени его сложения и датировать его не ранее второй четверти XIX в. Одновременно автор статьи высказывает предположение о местном характере стиха, его связи с ярославскими землями.*

***Ключевые слова:** духовные стихи, местные святые, древнерусская агиография, иконография Богородицы, легенды о чудесах от икон.*

В репертуаре русских духовных стихов не так уж и много произведений, посвященных русским святым. Откликом, порой отдаленным, на древнерусские жития являются стихи о князьях-мучениках Борисе и Глебе, князе Михаиле Черниговском и его боярине Федоре, а также о князьях-героях Александре Невском и Дмитрии Донском. В этом ряду особняком стоит духовный стих, названный публи-

каторами «Феодор, Давид и Константин Ярославские», но в действительности откликающийся на эпизоды жизнеописания лишь старшего из упомянутых князей — Федора Ростиславовича Черного, князя Смоленского и Ярославского, отца Давида и Константина¹. Лишенный даже тени героического пафоса, вполне уместного в произведениях, посвященных событиям и людям времен татаро-монгольского

¹ В этой статье мы будем следовать сложившейся в историографии традиции двойного написания имени князя: *Федор*, когда речь идет о нем как о политической фигуре — правителе нескольких княжеств и участнике военных походов, и *Феодор*, когда он предстает как канонизированной святой, центральный персонаж жития.

ига, этот стих, как может показаться на первый взгляд, рассказывает очень личную историю. Неслучайно комментаторы однажды отнесли его к группе стихов «о благоверии и благочестии» [Солощенко, Прокошина 1991, 31]. Именно неожиданность такой подачи образа князя Федора Ростиславовича, по мнению историков, прожившего бурную, наполненную в том числе и многими военными событиями жизнь, нередко действовавшего огнем и мечом, приходившего на Русь с войсками из Орды, но в стихе предстающего как человек частный, глубоко переживающий личную потерю и получающий в своем горе утешение от Божьей Матери, требует осознания и оценки.

Стих «Во славном во граде Ярославле...» впервые был опубликован П. А. Бессоновым в собрании духовных стихов «Калеки переходжие» [Бессонов 1861, 785–786 (№ 212)]. С тех пор эту публикацию несколько раз повторяли составители позднейших антологий [Солощенко, Прокошина 1991, 288–289; Селиванов 1991, 249–250 (№ 94); 2004, 346–347 (№ 120)]. Причем оценки, которыми стих каждый раз сопровождался, во многом совпадают. П. А. Бессонов относит его к русским стихам «с историческими именами», которые «носят большую часть следы позднейшей отделки книжной и позднейшего склада» [Бессонов 1861, 669]. Согласен с этим мнением и Ф. М. Селиванов, который помещает его в ряду других стихов «условно-фольклорного склада позднего происхождения» [Селиванов 2004, 480]. Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокошина характеризуют его как поздний стих и дают четкую хронологическую привязку — XIX в., уточняя при этом, что известна лишь одна его запись [Солощенко, Прокошина 1991, 339].

Из примечаний самого П. А. Бессонова, эту единственную запись обнаружившего и обнародовавшего, следует, что она была извлечена из рукописи Н. А. Толченова в Москве. Судя по отсылкам, которыми Бессонов сопровождал публикуемые тексты, в данной рукописи были еще и стихи о видении Богородицы князю Дмитрию Донскому и Дмитровской родительской субботе (№ 156), об Иоанне Воине (№ 210), о Галактионе и Епистимии (№ 211), также охотно воспроизводимые в современных сборниках, объединяющих заслуживающие

внимания образцы духовных стихов. П. А. Бессонов много пользовался рукописями, о чем сообщал в предуведомлении к своему труду, ссылаясь на наиболее важные источники, ему эти материалы представлявшие. Но рукопись Н. А. Толченова публикатор, к сожалению, нигде не характеризует, вследствие чего судить о том, как она возникла, сколь велик был ее объем и какие еще стихи, не включенные Бессоновым в сборник, входили в нее, наконец, кем был ее владелец и каким образом она у него оказалась, не представляется возможным. Обратим внимание лишь на различие помет, сделанных Бессоновым при текстах из этой рукописи. Если в трех из отмеченных нами случаев он пишет: «*Рукопись, от Н. А. Толченова*», то около стиха «Дмитровская суббота» ограничивается указанием: «*От Н. А. Толченова*». Это позволяет предположить, хотя и с осторожностью, что речь идет не просто о собирателе раритетных рукописей духовных стихов, подобно знаменитому коллекционеру Т. Ф. Большакову, но об исполнителе стихов.

Однако вернемся к содержанию стиха. Сюжет его лаконичен. Отталкиваясь от конкретного события из жизни князя Смоленского и Ярославского Федора Ростиславовича — смерти его первой жены Марии Васильевны, дочери удельного ярославского князя Василия Всеволодовича, слагатели стиха изображают горькие раздумья сидящего «*на честном на княжеском престоле*» князя-вдовца. Его сетования и молитвы обращены к Богу, в гневе которого он видит причину своей утраты. Еще больше князя мучает вопрос, как жить дальше, ведь без княгини не будет ему «*в старости утех*». Из стиха недвусмысленно следует, что князь остается совсем один, и кручина его связана с тем, что у него нет наследников и с его смертью ярославский престол опустеет. Начальный эпизод раздумий и молитв сменяется эпизодом сна («*Так рыдающе он изнеможе, / Ложился спать он на ложе*»), в котором князю является Пресвятая Мать Богородица. Она утешает князя, объясняя посланные ему испытания не гневом, но любовью Христа («*Любя тебя Сын мой наказует*»), и велит ему взять другую супругу, которая «*принесет... плод честнейший, / Родит двух сынов... святых / Свет Давида да Константина*». Завершает стих молитвенная концовка — специальная формула, обращенная к святому

князю Феодору и его сыновьям Давиду и Константину. В ней исполнители стиха просят святых покровителей избавить от сильной, глубокой тоски — «от зельных печали / Яже имать по рабе (имярек)» — того человека, для которого стих исполняется².

О том, что святому князю Феодору «сочады» молебствовали в случае семейных скорбей самого разного свойства, свидетельствуют исторические факты. Так, в полемическом письме Ивана Грозного Андрею Курбскому³ есть рассказ царя об исцелении его первой жены, которое произошло однажды вмешательством святого князя: «А же бо нашу царицу Анастасию... како супротив злого вашего немилосердаго умышления, сей святыи князь Феодор Ростиславич молитвами своими, по действию Святаго Духа, от врат смертных воздвиг ея, и се убо наипаче явлено есть, яко не вам способствует, но нам недостойным милость свою простирает» [Переписка 1868, 188]. Вероятно, страх потерять любимую царицу, болезни которой неоднократно становились причиной его тревоги и которая умерла в 1560 г., побуждал Ивана Васильевича и его приближенных служить молебны перед мощами ярославских святых⁴. Значит, о заступничестве Феодора, Давида и Константина Ярославских говорит не только духовный стих. Однако насколько житие этих святых дает основание для превращения их именами в семейных покровителей?

Прославление святого благоверного князя и чудотворца Феодора, Смоленского и Ярославского, и его сыновей произошло

в 1463 г., когда была предпринята попытка перезахоронения их тел в Спасском (Спасо-Преображенском) монастыре Ярославля из общего гроба, стоящего «на верх земли», «в землю... в той же церкви святаго Спаса на том же месте» [ВМЧ 1869, 1257]. Согласно житию, по открытии гробницы «Господь Бог посла милость свою на удрученныи их кости; абие же начаши быти от них чудеса исцеления многа, Богу прославляющии своих угодников» [Там же]. Одно за другим следовали события, подтверждавшие силу и святость обретенных мощей, вследствие чего было решено «проповедати всюду дивная их чудеса», а сами мощи в землю не убирать, но оставить «в том же гробе сокровенны... и камень честен верху гроба их наложшиа, и царским же багром того покрывшиа» [Там же].

Не исключено, что события 1463 г. имели определенные предпосылки в ярославских землях. По мнению В. О. Ключевского, краткая повесть о преставлении князя Федора Ростиславовича с немногими сведениями из его жизни появилась еще до прославления мощей. «Судя по изложению и некоторым подробностям в описании кончины Феодора, — пишет историк, — можно думать, что эта проложная статья была составлена вскоре по смерти князя или на основании современной ему местной летописи, записавшей эти подробности» [Ключевский 2003, 144]. К сожалению, существование этой местной летописи до сих пор остается только гипотезой ученого, так как летописных свидетельств о князе Федоре Ростиславовиче Черном вообще осталось ничтожно мало⁵.

² Аналогичную молитвенную концовку имеет еще один стих из рукописи Н. А. Толченова — «Галактион и Епистимия». Галактион обещает помощь влюбленному, ищущему взаимности [Бессонов 1861, 783–785 (№ 211)].

³ Кстати, прямому потомку второй династии ярославской ветви князей, родоначальником которой считается Федор Ростиславович.

⁴ Иван IV бывал в Ярославле много раз. Приезжая в город, он всегда поклонялся мощам святых князей, доказательством чему служат жалованные грамоты, данные царем в разное время монастырю, где находилась святыня. Всего таких грамот 55 [Преображенский 1899, 39].

⁵ Впервые его имя упоминается в Никоновской летописи под 1276 г. в связи с участием в похоронах великого князя Владимира Ярославовича в Костроме. Следующее упоминание, в той же летописи, помечено 1278 г., когда князь выдавал замуж свою младшую дочь. Затем следует договор Смоленска с Рижским епископом о торговле от 1284 г. — еще одно свидетельство его деятельности, уже на земле, где княжили его отец и братья и где вплоть до конца 1270-х гг. его в качестве правителя никто видеть не хотел [Вендланд 1973, 62, 73; Строганов 2014, 3]. Дальнейшие свидетельства летописцев также кратки и связаны по преимуществу с междоусобицами русских князей — военными походами, предпринимаемыми на своей территории. Таким образом, документальных свидетельств о князе Федоре Ростиславовиче явно недостаточно, а его жизнеописание по большей части продукт литературного творчества, частично основанного на устном предании.

Поэтому за точку отсчета историографы брали рассказ о последних днях, смерти и погребении князя, составленный, вероятно, вскоре после событий осени 1299 г. монахом Спасского монастыря, где упокоился князь. Этот рассказ, справедливо названный В. О. Ключевским некрологом, стал основой последующих житий святого князя Феодора, прираставших подробностями о нем как об умном и благочестивом правителе и честном воине [Серебрянский 1915, 222–225; Дмитриев 1987, 179].

Итак, главным в жизнеописании святого благоверного князя и чудотворца Феодора изначально был момент кончины, свидетельствующий о его благочестии и стремлении к Богу. Согласно ранним кратким анонимным житиям, князь «измлада Христа возлюби и пречистую его Матерь», всегда «от вся неправды отгребашеся, аки воин изящен во всем угажая своему Владыце», был, «по реченному, отец сиротам и кормитель вдовам» и «дойде старости маститы в доброденьстве живый богоугодно» [ВМЧ 1869, 1255; ср.: Серебрянский 1915, 90–91]. Венцом этой жизни, описанной через агиографические общие места, становится последний день жизни князя — его пострижение в монахи, исповедь перед всем миром, прощание с семьей и принятие схимы. «По пострижении в схиму, всех ту целовав, благослови и прости; и повеле всем изыти вон... И знаменася знамением крестным, и предасть душу свою Господеву... и приложися к отцем своим месяца Септемвриа в 19 <день>, на память святых мученик Трофима и Саватиа и Доримента» [ВМЧ 1869, 1256; ср.: Серебрянский 1915, 92].

Есть ли в духовном стихе «Во славном во граде Ярославле...» отклик на это довольно схематичное представление жития князя как праведного и милосердного правителя? Безусловно, ответ положительный, но подчеркнем: отклик этот специфичен. Дело в том, что на общие места жития стих отвечает такими же поэтическими общими местами:

...На честном на княжеском престоле
Сидел свет святой Феодор.
Всем он суд правый правил,
5 Богатых и сильных не стыдился,
Нищих и убогих не гнушался.

Мысль о богоугодной жизни князя проходит через весь стих, повторяясь в молитвенных вопрошаниях князя Христу и в словах утешения и совета Богородицы, но и в них она выражена такими же константными формулами, ср.:

15 ...Али я тебе, Господи, не молился,
Святым постом не постился,
Али суд неправый коли справил,
Али когда нищих не призрел?...

и:

...За то, что ты Господу молился,
Святым постом ты постился,
30 За то, что ты правый суд правил,
За то, что убогих призреваешь,
Ты пойми другую супругу...

При этом самое первое житие и близкие ему ранние редакции ничего не говорили о вдовстве князя, лишь упоминали, что перед кончиной князь призвал «княгиню свою и дети своя, и начат глаголати к ним о любве, и учити а и наказывати и пребывати в съединении и любве» [ВМЧ 1869, 1256]. Откуда же приходит представление об одиночестве лишившегося любимой жены князя, составляющее основу сюжета стиха?

Тема семейная заняла одно из заметных мест уже в редакции жития, составленной иеромонахом Спасского монастыря Антонием в конце XV в. «по благословению господина пресвященнаго митрополита Филиппа, волею же боголюбиваго и вседържавнаго государя великого князя Иоанна Васильевича всеа Русии, и при благородном и благочестивем его сыну Иоанне Ивановиче» [Там же, 1261–1262]⁶. Эта редакция тем и примечательна, что

⁶ Столь «высокий» заказ вполне объясним. Антоний получает его вскоре после открытия мощей и прославления князя и его сыновей. Событие это неслучайно совпадает с присоединением Ярославского княжества к Москве (1463–1471), в которой в то время правит Иоанн III, и окончанием местного княжения Александра Федоровича Брюхотого, последнего правителя из второй династии ярославских князей, потомков Федора Ростиславовича. Появление в Ярославле местных святых закрепляет его высокий статус, подчеркивает государственное и религиозное значение присоединяемой к центру территории.

впервые обратила внимание на подробности биографии князя Федора Ростиславовича Черного. Именно из рассказа Антония мы впервые узнаем о женитьбе Смоленского князя на княжне-сироте из Ярославля: «Слышав благоверный князь Феодор дочь Всеволодову (sic!) оставшую в граде Ярославле, и прииде от Смоленска града в Ярославль, и поят ю за себе. И тако восприят град Ярослав, и начат в нем княжити благочестно и благоугодно... и родися ему сын в том же граде Ярославли, егоже нарекоша в святом крещении именем князь Михаил» [Там же, 1264]⁷. Союз этот в действительности был одним из приметных событий в жизни древнерусских удельных княжеств, поэтому его обстоятельность в дальнейшем комментировали все отечественные историографы. Н. М. Карамзин, опираясь на более позднюю редакцию жития князя Феодора, вошедшую в Степенную книгу, описывает условия заключения этого брака так: «Василий Всеволодович, внук Константинов, умерший еще в 1249 году, оставил на престоле Ярославской области супругу Ксению и малолетнюю дочь Марию, которая после сочеталась браком с Феодором Ростиславичем Черным, внуком Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удельным князем Можайска. Считая себя обиженным старшими братьями, Глебом и Михаилом, он переехал в Ярославль, наследие супруги его, и княжил там вместе с тещею» [Карамзин 1842, 69]. К сказанному добавим, что получение Можайска в качестве доли наследства не могло не быть обидным для младшего из трех братьев, так как это был наименьший удел в Смоленском княжестве⁸. Однако Федору Ростиславовичу ничего не оставалось, кроме как смириться с волей братьев и ждать своего часа. Брак же с Марией Васильевной поправил дело наилучшим образом, так как за женой молодой князь получил один из серьезных и уважаемых уделов — «волость суздальских Юрьевичей» [Соловьев 2015,

224]. Ему удалось не только сохранить это княжество за собой, но и заложить «новую удельную княжескую линию» [Ключевский 1998, 312–313]. Только вот Мария Васильевна в силу сложившихся обстоятельств к этой династии никакого отношения не имела.

Время, в которое довелось жить князю Федору Ростиславовичу, подходило для людей, не расположенных засиживаться дома и готовых покидать свои вотчины. Одну из причин этих постоянных разъездов называет Антоний в житии: «В та же времена бысть сицево: грех ради наших, Богу попустивию гнев свой на Русскую землю. нача владети Русию измайльтеский род, ординьстии цари; начаша ходити русстии князи и болгари в Орду к царю отчин своих просити у царя на столования своа, с ними же поиде святыи князь Феодор к царю» [ВМЧ 1869, 1264–1265]. Рано или поздно Федор Ростиславович должен был покинуть молодую жену и малолетнего сына и отправиться в Сарай улаживать дела своего княжества. Однако возможен и другой повод для его отъезда в Орду из семейного гнезда. Он связан с тем, что в Ярославском княжестве в глазах бояр, дружины, да и тещи, княгини Ксени, которая обычно характеризуется историками как его соправительница, Федор все-таки оставался чужаком⁹. Отношения между ними были натянутыми, и отлучки по делам для молодого князя были выходом из непростого положения, в котором он постоянно находился. Не имея возможности в полной мере утвердить себя дома, князь уехал в Орду, как это делали в его время не только владетельные князья, но и обычные люди, искавшие славы и денег¹⁰.

Хождение в Золотую Орду — один из ярких эпизодов жизнеописания Федора Ростиславовича Черного. Для него оно оказалось удачным, что разительно отличает его историю от историй многих князей, его современников, нередко заканчивавшихся трагически. Даже из жития, написанного

⁷ По остроумному наблюдению исследователей, «... летописи упоминают о двух дочерях Феодора от этого брака, «а житие — о сыне его Михаиле» [Шпилевский 1899, 12].

⁸ Согласно одной из версий, Глеб и Михаил Ростиславовичи специально выделили его для Федора, так как до этого времени о маленьком Можайском княжестве нет упоминаний.

⁹ Такой точки зрения придерживается [Вендланд 1973, 65].

¹⁰ Ср.: «Из самых разных мест ездили в Орду и поступали там на службу, чтобы сделать военную карьеру, которая была недостижима для простых ратников и смердов на своей родине» [Гумилев 1992, 536].

Антонием, следует, что в Орде молодой князь сумел стать своим человеком: «Пришедши же ему тамо, и дары многы дать царю, такоже и царицы; царь же его и царица велми любляше, и на Русь его не хотяше пустити мужества ради и красоты лица его. Он же всегда у царя предстояше и чашию подаваше ему. Царь же не отпусти его в свою землю из Орды» [ВМЧ 1869, 1265].

По житию первое пребывание князя Федора в Орде было длительным — три года. Но им далеко не исчерпываются его контакты с ханами. В Сарай он возвращался неоднократно. Историки предполагают, что Федор Ростиславович участвовал в походах монголо-татар против ясов (аланов) и взятии их города Дедякова на Кавказе в 1277 г. [Соловьев 2015, 263], а год спустя он вместе с зятем, князем Михаилом Белозерским, сыном Глеба Ростовского, снова отправляется на войну — усмирять непокорных Орде камских булгар [Шпилевский 1899, 27; Вендланд 1973, 69–70]. Бывал он со своей дружиной и в других совместных походах, предпринимаемых войсками ханов. В противостояниях же, которые возникали в русских княжествах, Федор в дальнейшем обычно занимал сторону того князя, которого поддерживала Орда, что особенно ярко проявилось в спорах за власть сыновей Александра Невского — Дмитрия и Андрея¹¹.

Однако вернемся к семейной истории. Уже во время первого пребывания Федора Ростиславовича в Орде, как пишет Антоний, у жены хана возникает странная идея: выдать за молодого русского князя свою дочь. Но хан не поддерживает ее — «понеже улусник его бяше им служебник» [ВМЧ 1869, 1265]. Нежелание хана оказалось очень кстати, ибо позволило князю Федору без обиняков сказать, что дома его ждут жена и сын. «Благоверный же князь Федор поведя царю и царицы, что взял за себе дщерь Всеволодову, и нача ся опрашивать на Русь, на свое княжение в град

Ерославль, и посылаше с молением к царю и к царицы... Царь же умолен быв боляры своими, абие отпусти его из Орды на свое ему княжение с честию великою» [Там же]. Князь отправился в обратный путь, но возвращение его домой не состоялось. Дело в том, что Федора Ростиславовича не только не ждали в его княжестве, но даже не захотели пускать в город. «Князь же Федор хотяше в град внити в Ярославль, и не прияша его, но рекоша ему с града княгыни Ксения и боляре такоже: мы не имамы такового обычаа, что приежжих приимати на княжение; есть у нас отчич князь Михаил» [Там же]. Так князь узнает, что он не нужен больше Ярославлю: правителем в нем объявлен его малолетний сын, от имени которого теперь правят теща и бояре. Не упомянуты в этом эпизоде только жена князя — Мария Васильевна.

Это исчезновение молодой княгини со страниц жития, составленного Антонием, у всех последующих авторов получило однозначную интерпретацию: пока Федор Ростиславович находился в Орде, его жена умерла. Пробел в житии Антония восполнили составители жизнеописания князя для Степенной книги, указав, что уже на подходе к Ярославлю Федор «услыша, яко супружница его умре» [Книга Степенная 1908, 308]. Так это или не так, но князь, изгнанный из Ярославля, вернулся в Орду — «с жалобою» [ВМЧ 1869, 1265]. Он попросил хана о помощи, и тот отправил в Ярославль своего посла с угрозами. Однако посольство успеха не имело: княгиня Ксения и бояре упорствовали, «посла царева не послушаши и его не прияша на стол его» [Там же].

Тем временем в Орде вновь возвращаются к мысли о браке Феодора Ростиславовича с дочерью хана. Теперь причин для отказа от этого лестного предложения у русского князя нет, и всё устраивается как нельзя лучше, о чем сообщает Антоний: «Царь... преклоняется молением

¹¹ В споре братьев князь Федор последовательно стоял за князя Андрея Городецкого, получившего ярлык в Золотой Орде. С. М. Соловьев называет Федора Ростиславовича ярославского среди других князей, которые в 1292 г. ходили жаловаться на князя Дмитрия Александровича в Орду. Получив тогда большое войско, они отправились на Русь, «взяли Владимир, разграбили Богородичную церковь, взяли потом 14 других городов и опустошили всю землю». В результате союзники поделили между собою волости, но вследствие каких-то разногласий — то ли с князьями-союзниками, то ли с местными жителями — Федор потерял доставшийся ему Переславль. В 1295 г., вероятно раздосадовавшись, что упускает второй по старшинству после великокняжеского Владимира город, князь сжег его [Соловьев 2015, 258–259].

Илл. 1. Богоматерь Печерская (Свенская) с предстоящими Феодосием и Антонием. Около 1288 (?). Киев. Государственная Третьяковская галерея, инв. 12723. Дерево, темпера, 67 × 42

Figure 1. The Holy Mother of God Pechera (Svenskaya) Theotokos Panachranta with Venebrales Theodosius and Anthony. About 1288 (?). Kiev. The State Tret'yakov Gallery, inv. 12723. Tempera on wood, 67 × 42

царицыным: царевну повеле за него дати; и повеле ея царь прже крестити, а православныя веры не повеле осквернити» [Там же, 1266]. Житие описывает условия свадебного договора весьма благоприятными для русской стороны. Хан не только отнесся с уважением к вере своего будущего зятя, но и дал за дочьрью хорошее приданое: «...князи и бояре русь на послужение, также одари златом и серебром и бисера множеством... елика царьская честь ему довлеет на потребу» [Там же]¹². Невозможность в течение нескольких лет вернуться в Ярославль не препятствует благополучию князя Федора и его второй жены, принявшей крещение с именем Анна. Они живут в Орде своим домом, с почтением приняты родителями новой княгини и другими ее родственниками; у них рождаются сыновья — сначала Давид, а спустя еще несколько лет Константин.

Нельзя не признать, что монаху Антонию удастся создать из этой истории чрезвычайно красивый сюжет. Молодой русский князь, обиженный сначала старшими братьями, потом близкими своей первой жены, т. е. всеми гонимый на родине, находит любовь и признание на чужбине. Добавим: у иноверцев, славящихся своей жестокостью. Чем не мелодрама? Тем более что повод для симпатии к русскому князю в Орде, как мы помним, почти сказочный — князь получает все блага

«мужества ради и красоты лица его» [Там же, 1265]. Однако ни сказочные, ни даже библейские аллюзии, на которые ссылается Степенная книга (ср. о благоволении царицы: «*виде святолепное благородие лица его, яко египтянина Иосифа, и уязвися сердце ея, еже любити его*» [Книга Степенная 1908, 308]¹³), не могут сгладить двойственного ощущения, которое невольно возникает у русского читателя жития святого князя Феодора. Ведь и по сей день союз с Ордой вызывает серьезные вопросы у человека, воспитанного не только в русской, но и в европейской культурной традиции.

Здесь, вероятно, и заключена причина появления заинтересовавшего нас духовного стиха. В его подтексте таится «сомнительная» история брака святого князя в Орде, а потому и раздумья князя связаны не просто с мыслями о допустимости взять себе «*другую супругу*», но именно сделать русской княгиней чужеземку, дочь хана-иноверца. Чтобы решиться на такое, князю нужно особое благословение. И если в жизни его дает константинопольский патриарх [Там же, 309], то в стихе оно приходит свыше, примиряя таким образом все противоречия и сглаживая все сомнения. Явление Богородицы князю в сонном видении — это и есть мотивация его поступка, оправдание принятого им решения¹⁴.

¹² Более конкретно и геополитически наглядно описывает эти дары Н. М. Карамзин, черпая сведения в Степенной книге: «Тесть построил для Феодора великолепные палаты в Сарае и дал ему множество городов: Чернигов, Херсон, Болгары, Казань; по смерти же юнаго Михаила Феодоровича возвел сего любимаго зятя на престол Ярославский, наказав его врагов» [Карамзин 1842, 70]. Причем Степенная книга называет и общее количество подаренных князю городов: всего «тридесять и шесть» [Книга Степенная 1908, 309].

¹³ Эта ветхозаветная параллель оказалась так удачна и убедительна в контексте описания жизни князя в Орде, что была повторена в самой последней редакции жития святого князя, составленной в Ярославле во второй половине XVII в., уже как характеристика его облика: «...красота же лица его бе ведети, яко Иосифа Прекраснаго» (цит. по: [Серебрянский 1915, 233]).

¹⁴ Заметим, что в истории существует немало примеров такого рода оправданий. Е. Е. Голубинский в этой связи приводит чрезвычайно выразительную историю Максимовской иконы Божьей Матери, названной так по имени митрополита Максима, который удостоился видения Богородицы в такой же «неоднозначной ситуации». Произошло это вскоре после предпринятого им в 1299 г. своевольного, без согласования с Константинополем, переноса кафедры из Киева, разоренного монголо-татарами, в епископальный город митрополии — Владимир. Там для Успенского собора митрополитом была заказана икона, изображение которой точно соответствовало увиденному им во сне — «повеле написати сей образ тем подобием, якоже виде». На ней Богоматерь с младенцем на левой руке была представлена в полный рост, правой рукой она протягивала белый омофор с крестами митрополиту Максиму, также запечатленному на иконе внизу справа. К изображению этому сохранился комментарий: «Сей святой чудотворный образ Пресвятыя Богородицы написан бысть в лето 6807 (1299), по видению Максима митрополита Владимирского и всея Руссии чудотворца, Греченина родом: егда ему пришедшу от Киева во Владимир и от путнаго шествия в келлии своей мало уснув, абие видит яко наяве свет велик

Включение в стих эпизода видения Богоматери есть совершенно самостоятельное, независимое от житийной (книжной) первоосновы сюжетное решение слагателей стиха. Однако оно не является спонтанным, за ним также стоит определенная традиция — и изображений, и текстов. Возможно, именно поэтому видение представлено в стихе очень зримо, как настоящая словесная икона:

20 ...*Ложился спать он на ложе;
Во сне Феодор князь видит:
Пресвятая Мать Богородица,
Сидит на златом она престоле,
А у ног Антоний с Феодосьем...*

В том, что видит князь, узнается известная древнерусская икона (илл. 1). На ней на золотом фоне изображена Богоматерь, сидящая на очень высоком престоле и держащая перед собой обеими руками Христа Эммануила. Младенец, полусидящий на ее коленях, простирает в стороны руки и двуперстно благословляет стоящих по обе стороны от трона, значительно ниже (т. е. буквально так, как и сказано в стихе, — «у ног»), Феодосия и Антония Печерских, в руках у которых свитки с поучениями. Это образ Богоматери Печерской (Свенской) — одно из старейших изображений Богоматери с предстоящими русскими святыми и древнейшее из известных ныне изображений Антония и Феодосия Печерских. Однако, по свидетельству знатоков древнерусской иконографии, «...тип Богоматери

Печерской известен на Руси и в более позднее время» [Лифшиц 1995, 72].

То, что слагатели стиха могли знать эту икону, существующую во многих повторениях, в том числе развивающих и дополняющих первоначальную композицию, не вызывает сомнения. Только прославленных чудотворениями списков с этого образа существует около десяти [Поселянин 1993, 265–274; Снегорева 1997, 225–229]. Однако насколько правдоподобно соотношение этого образа с князем Федором Ростиславовичем?

С одной стороны, упоминание богородичного образа в житии святого князя Феодора имеется. Правда, присутствует оно лишь в ряду его забот по благоукрашению церкви, которым он занялся по возвращении в Ярославль, после смерти своего старшего сына Михаила. «*Сам же благоверный и Христолюбивый князь Феодор о храме Господни вельми печашеся, и вся боголепне украси иконами и книгами, и вся же прочаа церкви Божия украшаа, и на устроение их вельми подвизашеся, и пречистыя Матере Божия икону чудне украси камением драгим и жемчугом и златом, и иные храмы многи въздвиже на славословие Божие*» [ВМЧ 1869, 1267]¹⁵. При этом из повествования Антония стороннему читателю невозможно понять, о какой иконе Богородицы идет речь. Возможно, святыня находилась в Спасском монастыре, была в нем хорошо известна и почитаема, а потому монаху этой обители какие-либо уточнения казались излишними¹⁶.

и необычен и в том свете явился ему Пречистая Дева Богородица, держащая на руке Превечного Младенца, и глагола: рабе мой Максиме, добре пришел еси семо посетити град Мой, и подаде ему омофор, глаголя: приими сей омофор и паси в граде моем словесныя овцы; он же прием, возбудися от сна и в келлии никого же виде, а омофор обретеса в руце его...» [Голубинский 1997, 96]. Омофор этот потом долго хранился в соборной церкви, но был утрачен после нашествия татарского царевича Талыча в 1410 г. Очевидно, что эта красивая легенда не позволяла судить митрополита Максима за принятое им решение (узаконенное, кстати, только в 1354 г., при поставлении в митрополиты Алексия — будущего святителя, митрополита Московского и всея России чудотворца).

¹⁵ Степенная книга дополняет этот фрагмент упоминанием забот и попечений, которыми прославилась вторая жена князя — княгиня Анна. Она представлена здесь как добродетельная христианка. Однако это дополнение несколько затрудняет понимание того, кому же все-таки поздняя редакция жития приписывает заботу об иконе Божьей Матери: «*Княгини же его постави церковь во имя святого архистратига Михаила, честнаго его собора... И ины многи храмы въздвиже и на славословие Божие подвизашеся и святую икону Божия Матери чудне украси*» [Книга Степенная 1908, 310]. Во всяком случае, Н. М. Карамзин соотносил эту запись с деятельностью княгини [Карамзин 1842, 51 (прим. 139)].

¹⁶ С. М. Шпилевский придерживался на этот счет иного мнения. Он писал, что «этой иконою в настоящее время признают находящуюся над царскими воротами главного храма Архангельской церкви» [Шпилевский 1899, 23].

С другой стороны, Печерская (Свенская) икона — «старшая современница» князя Феодора Ростиславовича, а потому вероятность того, что он мог знать о ней, существует. Прославившее ее чудо — исцеление от слепоты Романа Михайловича, князя Черниговского и Брянского, — произошло в 1288 г. Случилось это вдали от Ярославля, где в то время князь Федор жил со своей семьей, а именно на реке Свине (Свене), вблизи Брянска, к северу от Чернигова. Однако в эти годы князь Федор был правителем Смоленска, время от времени наезжал туда, а потому всё, что происходило в соседних землях, должно было доходить до его слуха¹⁷. И, наверное, он, будучи человеком равнодушным к жизни и делам церкви, как говорит о нем агиограф, не мог не знать, что сначала на месте чуда от иконы князь Роман поставил обыденный храм, а некоторое время спустя там же основал монастырь в честь Успения Божией Матери [Лифшиц 1995, 72; Смирнова 2007, 222].

Но есть еще одно важное, достойное упоминания в связи со стихом «Во славном во граде Ярославле...» событие, которое произошло с богородичным образом подобной иконографии — так называемой Ярославской Печерской иконой (илл. 2). Чудо от нее вошло в историю ярославских святых под... 1823 г. История эта передавалась всеми, кто писал в XIX — начале XX в. о чудесах от богородичных икон [Поселянин 1993, 280; Снегирева 1997, 235–236]. Речь идет об исцелении женщины, в течение долгих лет страдавшей мучительной болезнью и однажды увидевшей во сне храм с иконой Божией Матери в нем. Сон так поразил ее, что она потом долго искала это место и этот образ. И вот однажды, придя в Ярославский архиерейский дом (до 1787 г. — Спасо-Преображенский монастырь, где находились прославленные святые мощи князя Феодора и его сыновей [Словарь 1990, 247]), она

вошла в церковь Происхождения Древ Честного и Животворящего Креста Господня, что под колокольней, и узнала храм из своего сна. Здесь на стене была написана икона, которую она искала и которая навсегда исцелила ее от недуга¹⁸.

Но при чем же здесь святой Феодор и его сыновья Давид и Константин Ярославские? Очевидно, что с ними это чудо объединяет только место действия — Спасский монастырь. Следовательно, духовный стих представляет собою «соединение» ярославских святых, одна из которых прославилась только в начале XIX в. Последнее обстоятельство очень точно говорит о времени сложения стиха: он не мог появиться ранее чуда от Ярославской Печерской иконы, т. е. до 1823 г. Таким образом, датировка, сделанная Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокошиной, подтверждается самим содержанием стиха (как, впрочем, и данная П. А. Бессоновым и Ф. М. Селивановым оценка его как поздней стилизации под классические образцы жанра).

Вот только согласиться с тем, что стих «Во славном во граде Ярославле...» «по сюжету далек от событий жития благоверного князя Феодора Смоленского и Ярославского чудотворца» [Солощенко, Прокошина 1991, 339], невозможно. Это по-настоящему житийное произведение, откликающееся на реальные факты жизнеописания святого князя. Задача, которую по-своему решает стих, близка тем задачам, которые решали средневековые агиографы, что во многом объясняет его избирательный подход к изложенному в житиях. Ведь стих создает очень лаконичную, событийно не оформленную, но зато вполне убедительную апологию святого князя. Смысловые акценты в его характеристике как центральной фигуры стиха сделаны не на государственном служении, а на вопросах благочестия и милосердия — и в этом можно усматривать своеобразный возврат

¹⁷ По одной из версий, Роман Михайлович Черниговский и Брянский в 1286 г. делал попытку взять Смоленск, причем нанес ему немалый ущерб: «Пожег окрестности, посад, приступал к крепости, но, не взявши ее, ушел прочь» [Соловьев 2015, 281]. Однако по другой версии эту осаду приписывают Роману Глебовичу, старшему племяннику Федора Ростиславовича, мечтавшему вернуть себе княжество своего отца [Шпилевский 1899, 24–25 (прим. 47); Вендланд 1973, 74].

¹⁸ Событие это имело большой резонанс в городе. После целой череды исцелений, в 1860 г., было решено переосвятить храм, в котором находилась икона, в ее честь. Так что звонница и теперь осеняет церковь Печерской иконы Божьей Матери. Однако чудотворный образ ныне утрачен. В первой половине XX в. фреска была сколота со стены храма.

Илл. 2. Богоматерь Ярославская Печерская. Гравированное воспроизведение (по книге Евгения Поселянина «Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон». СПб., 1909)

Figure 2. The Holy Mother of the God Pechera Theotokos Panachranta of Yaroslavl'. Engraved reproduction (according to the book by Eugenyi Poselyanin "Legend about the Thaumaturgic Icons of the Most Holy Mother of the God and Her Graces to the Human Race". St. Petersburg, 1909)

к логике ранних, кратких редакций жития. Так проще создать образ праведника, на престоле исполнявшего волю Бога, «преподобием и правдою Богу угодиша» [Ключевский 2003, 391–392]¹⁹.

Очевидно, что такая «забота» об образе святого князя Феодора в большей степени была свойственна обитателям Ярославских земель, где состоялось прославление князя и откуда началось его почитание.

¹⁹ Последняя формула взята из перечня чудотворцев, которым Соборы времен Ивана IV и митрополита Макария — 1547 и 1549 гг. — установили общецерковное празднование. Однако чтобы еще раз напомнить, что в русской средневековой истории было и другое понимание образа князя Федора Ростиславовича Черного, вновь сошлемся на письмо Ивана IV Андрею Курбскому. В нем прославившийся своей жестокостью царь пишет о князе Смоленском и Ярославском недвусмысленно: «Князь Феодор Ростиславич, прародитель Ваш, в Смоленске на Пасху колико крови пролиал есть! И во святых причитаются» (правда, по замечанию Н. Устрялова, летописи не дают прямого подтверждения этих слов Ивана Грозного) [Переписка 1868, 146 и 344].

Ведь и вся «биографическая работа о святом, — по замечанию Н. Серебрянского, — носила *местный* характер» [Серебрянский 1915, 234]. В связи с этим выскажем важное предположение, касающееся происхождения стиха «Во славном во граде Ярославле...». Его истоки следует искать все-таки не в Москве, где была обнаружена рукопись Н. А. Толченова, а в Ярославле и его окрестностях, поскольку именно Ярославль являлся той почвой, которая питала религиозно-патриотический интерес к местным святым и святыням, к их прославлению и, если угодно, объяснению²⁰.

Восприятие же святого князя Феодора и его сыновей Давида и Константина

как семейных покровителей было, на мой взгляд, лишь одним из частных проявлений этого культа. И связано оно, прежде всего, с обстоятельствами обретения их мощей. Отец, в гробу которого позднее упокоились и его сыновья — «*совокуплена быста в едино благодатию Христовою; и положиши ею в едино раце под пазусе у отца ею... понеже велику сущу ему възрастом*» [ВМЧ 1869, 1269], — воспринимался как корень семейного древа, начало княжеского рода. Таковым он, собственно, и был²¹, несмотря на все противоречия своей биографии. Стих увидел в этом благословение князя, его награду за служение Богу и людям.

Литература

Бессонов 1861 — Калеки перехожие: Сборник статей и исследование П. А. Бессонова. М., 1861. Вып. 1–3.

Вендланд 1973 — *Иоанн (Вендланд)*, митрополит Ярославский и Ростовский. Князь Федор Черный // Богословские труды: Научно-богословский журнал РПЦ. М., 1973. С. 55–77. Вып. 11.

ВМЧ 1869 — Великие минеи чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869. (Издание Археологической комиссии: Памятники славяно-русской письменности).

Голубинский 1997 — *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. II: Период второй, московский (от нашествия монголов до митрополита Макария включительно). 1-я половина тома. М., 1997.

Гумилев 1992 — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Дмитриев 1987 — *Дмитриев Л. А.* Житие Федора Ярославского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 179–181.

Карамзин 1842 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. I. Т. IV.

Ключевский 1998 — *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Ростов н/Д, 1998. Кн. 1.

Ключевский 2003 — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003.

Книга Степенная 1908 — Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. Ч. I. (Полн. собр. рус. летописей, изд. Императорской Археологической комиссией. Т. 21, 1-я половина).

Лифшиц 1995 — *Лифшиц Л. И.* Богоматерь Печерская (Свенская) с предстоящими Феодосием и Антонием // Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. I: Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. С. 70–72 (№ 16).

Переписка 1868 — Переписка Курбского с Иоанном: Ответ Иоанна на послание Курбского из Вольмара, 1564 г. // Сказания князя Курбского. 3-е изд., испр. и доп. Н. Устрялова. СПб., 1868. С. 135–190.

Поселянин 1993 — *Поселянин Е.* [Погожев Е. Н.] Сказание о чудотворных иконах Богоматери и о Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993. (Репринт.)

Преображенский 1899 — *Преображенский Г.* Святой благоверный и великий князь Федор Ростиславич, Ярославский и Смоленский. М., 1899.

Селиванов 1991 — Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991.

Селиванов 2004 — Народные духовные стихи / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова; Прилож. и послесл. А. В. Кулагиной. М., 2004. (Б-ка русского фольклора; Т. 14).

Серебрянский 1915 — *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915.

²⁰ На протяжении XIX в. в религиозной жизни Ярославля было несколько поводов вспомнить о святых Феодоре, Давиде и Константине, и, пожалуй, наиболее серьезный среди них — устройство нового храма в честь благоверных князей. Празднование, связанное с перенесением мощей святых в новую, специально построенную церковь, состоялось в 1831 г. Это событие могло дать импульс для появления духовного стиха.

²¹ Всех княжеских родов, происшедших от Федора Ростиславовича, историки русских дворянских родов насчитывали от 37 до 42 [Шпилевский 1899, 21].

Словарь 1990 — Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1990. (Репринт издания — СПб., 1862.)

Смирнова 2007 — Смирнова Э. С. Тринадцатый век. Татарское разорение и преемственность истории русской художественной культуры [гл. III] // Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи. М., 2007. С. 193–253.

Снеессорева 1997 — Снеессорева С. И. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ея икон, чтимых православной церковью на основании Священного Писания и церковных преданий. М., 1997. (Репринт).

Соловьев 2015 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 2015. Т. 3.

Солощенко, Прокошина 1991 — Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. ст., прим. Л. Ф. Солощенко и Ю. С. Прокошина. М., 1991.

Строганов 2014 — Строганов Р. Воин в украшенных одеждах. Новый взгляд на личность ярославского князя Федора Черного // Проза.ру [литературный портал]. URL: <http://www.proza.ru/2014/08/03/1917> (дата обращения: 05.07.2015).

Шпилевский 1899 — Великий князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславич Черный. Речь С. М. Шпилевского в день 600-летия годовщины смерти Федора, 19 сентября 1899 года / Ярославская губернская Ученая Архивная комиссия. Ярославль, 1899.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора и народного искусства Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации: Российская Федерация, 125000, г. Москва, Козицкий пер., д. 5; тел.: + 7 (495) 694–03–71; e-mail: volfs@list.ru

THE SPIRITUAL VERSE “IN THE GLORIOUS IN YAROSLAV’ THE TOWN...”, ITS BOOKISH AND ICONOGRAPHIC SOURCES

LYUDMILA FADEEVA

(State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation:
5, Kozitskiy side-str., Moscow, 125009, Russian Federation)

Summary. *The article deals with the Russian late spiritual verse “In the glorious in Yaroslavl’ the town...”, which became famous due to publication in P. A. Bessonov’s collection “Kaleki perekhozhie” (“Vagrant Cripples”), accompanied with his research. This spiritual verse has been republished in multiply contemporary anthologies of spiritual verses. Its content corresponds with the hagiography of the holy prince Theodor Rostislavovich (the Black), whose hallows were glorified in Yaroslavl’ area in the 15th century and hereafter have been worshiped there and outside Yaroslavl’ region as well. Episodes of this spiritual verse and their most important details were analyzed in comparison with the hagiography texts about the prince, which were written in different time. The author has noticed that this verse contains some common places which are very typical of its genre. They mitigate contradictions in evaluation of prince’s activity which are guessed in historical sources.*

The scene, which describes the prince as a grieving widower, who has been consoled by the Holy Mother of God and her words, is more important for the idea of the verse. It provides confirmation to the status of the holy prince as a patron of family which was actually regnant among believers. Correlation of the main episodes of the spiritual verse with some facts from the history of glorification of the Yaroslavl’ shrines allows to specify the question of the time of its composition and to date it from not earlier than the second quarter of the 19th century. Besides of it the author supposes the local character of this spiritual verse and the straight connection of its genesis with the Yaroslavl’ lands.

Key words: *spiritual verses, local shrines, Old Russian hagiography, iconography of the Holy Mother of the God, legends about miracles caused by icons.*

References

Bessonov P. A. (1861) Kaleki perekhozhie ["Vagrant cripples"]. Collection of Spiritual Verses and Research by P. A. Bessonov. Moscow. Issues 1–3. In Russian.

Dmitriev L. A. (1987) Zhitie Fedora Yaroslavskogo [Hagiography of Theodor from Yaroslavl']. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Book-writing of Old Russia]. Issue 1. From the 11th to the First Half of the 14th Century. Ed. by D. S. Likhachev. Leningrad. Pp. 179–181. In Russian.

Golubinskiy E. E. (1997) Istoriya russkoy tserkvi [The history of the Russian Church.]. T. II. Period второй, moskovskiy (ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vlyuchitel'no) [Vol. 2. The 2nd Period, Moscow (from the Mongol Invasion up to Makariy the Metropolitan). 1-ya polovina toma [The 1st Half of the Volume]. Moscow. In Russian.

Gumilev L. N. (1992) Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' [Old Russia and the Great Steppe]. Moscow. In Russian.

Ioann (Vendland), (1973) the Metropolitan of Yaroslavl' and Rostov. Knyaz' Fedor Chernyy [Prince Theodor the Black]. *Bogoslovskie trudy: Nauchno-bogoslovskiy zhurnal RPTs*. [Theological Works: Scholarly and Theological Magazine of the Russian Orthodox Church]. 1973. Moscow. Issue 11. Pp. 55–77. In Russian.

Karamzin N. M. (1842) Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian State]. St. Petersburg. Book I. Vol. IV. In Russian.

Klyuchevskiy V. O. (1998) Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy v 3 kn. [Russian History. Full Lecture Course in 3 Books]. Rostov-na-Donu. Book 1. In Russian.

Klyuchevskiy V. O. (2003) Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik [Old-Russian Hagiographies of the Saints as a Historical Source]. Moscow. In Russian.

Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya [The Rank Book of the Tsar Genealogy] (1908). Part I. Poln. sobr. rus. letopisey, izd. Imperatorskoy Arkheograficheskoy komissiiyu [Full Collection of Russian Annals, Published by Emperor Archaeography Committee]. St. Petersburg. Vol. 21. The 1st Half. In Russian.

Lifshits L. I. (1995) Bogomater' Pecherskaya (Svenskaya) s predstoyashchimi Feodosiem i Antoniem [The Holy Mother of the God Pechera (Svenskaya) Theotokos Panachranta with Venerables Theodosius and Anthonius]. *Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galeriya* [The State Tretyakov Gallery]. Collection Catalogue. T. I. Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XV veka [Vol. 1. Old-Russian Art of the 10th — the Early 15th Centuries]. Moscow. Pp. 70–72. No. 16. In Russian.

Perepiska Kurbskogo s Ioannom: Otvet Ioanna na poslanie Kurbskogo iz Vol'mara. 1564 g. [Correspondence between Kurbskiy and John: John's Answer to Kurbskiy's Epistle from Wolmar,

1564] (1868). *Skazaniya knyazya Kurbskogo* [Tales of Prince Kurbskiy]. The 3rd Edition, Revised and Added by N. Ustryalov. St. Petersburg. Pp. 135–190. In Russian.

Poselyanin E. <Pogozhev E. N.> (1993) Skazanie o chudotvornykh ikonakh Bogomateri i o Eya milostyakh rodu chelovecheskomu [Legend about the Thaumaturgic Icons of the Most Holy Mother of the God and Her Graces to the Human Race]. Kolomna. (Reprint ed.). In Russian.

Preobrazhenskiy G. (1899) Svyatyty blagovernnyy i velikiy knyaz' Feodor Rostislavich, Yaroslavskiy i Smolenskiy [The Holy Blessed Theodor Rostislavich, Prince of Yaroslavl' and Smolensk]. Moscow. In Russian.

Selivanov F. M. (comp., preface, ed., comm.) (1991) Stikhi dukhovnye [Spiritual Verses]. Moscow. In Russian.

Selivanov F. M. (comp., pref., ed., comm.) (2004) Narodnye dukhovnye stikhi [Folk Spiritual Verses]. With Appendix and Afterword by A. V. Kulagina. Moscow. In Russian.

Serebryanskiy N. (1915) Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (obzor redaktsiy i teksty) [Old-Russian Hagiographies of the Princes (Review of Editions and Texts)]. Moscow. In Russian.

Slovar' istoricheskiy o svyatykh, proslavlennykh v Rossiyskoy Tserkvi, i o nekotorykh podvizhnikakh blagochestiya, mestno chtimyykh [Historical Dictionary of Saints, Glorified by the Russian Church, and Some Hermits of Devotion, Locally Worshiped] (1990). Moscow. (Reprinted edition — St. Petersburg, 1862.) In Russian.

Smirnova E. S. (2007) Trinadtsaty vek. Tatarskoe razorenije i preemstvennost' istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury [The 13th Century. Tatar Depredation and Continuity of the History of Russian Artistic Culture. Ch. 3]. *Sarab'yanov V. D., Smirnova E. S. Istoriya drevnerusskoy zhivopisi* [History of Old-Russian Painting]. Moscow. Pp. 193–253. In Russian.

Snessoreva S. I. (1997) Zemnaya zhizn' Presvyatoy Bogoroditsy i opisaniye svyatykh chudotvornykh Eya ikon, chtimyykh pravoslavnoy tserkov'yu na osnovanii Svyashchennogo pisaniya i tserkovnykh predaniy [Earthly life of the Most Holy Mother of the God and Description of Saint Thaumaturgic Icons of Her, Which are Worshiped by the Orthodox Church according to the Holy Writ and Church Legends]. Moscow. (Reprint edition). In Russian.

Solov'ev S. M. (2015) Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since the Most Ancient Time]. Moscow. Vol. 3. In Russian.

Soloshchenko L. F., Prokoshin Yu. S. (comp., pref., comm.) (1991) Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv. [The Golubinaya Book: Russian Folk Spiritual Verses of the 11th–19th Centuries]. Moscow. In Russian.

Stroganov R. (2014) Voin v preukrashennykh odezhdakh. Novyy vzglyad na lichnost'

yaroslavskogo knyazya Fedora Chernogo [The Warrior in Decorated Clothes. A New Look at the Personality of Theodor the Black, Prince of Yaroslavl']. *Proza.ru* (literature web-portal). URL: <http://www/proza.ru/2014/08/03/1917> (retrieved: 05.07.2015)

Shpilevskiy S. M. (1899) Velikiy knyaz' Smolenskiy i Yaroslavskiy Fedor Rostislavich Chernyy. Rech' S. M. Shpilevskogo v den' 600-letiya godovshchiny smerti Fedora, 19 sentyabrya 1899 goda [The Great Prince of Smolensk and Yaroslavl' Theodor Rostislavich Chernyy. The Speech by S. M. Shpilevskiy on the 600th Anniversary

of Theodor's Death, on the 19th of September]. *Yaroslavskaya gubernskaya Uchenaya Arkhivnaya komissiya* [Yaroslavl' Province Scholarly Archive Committee]. Yaroslavl'. In Russian.

Velikie minei chetii, sobrannye vserossiyskim mitropolitom Makariem. Sentyabr', dni 14–24 [Great Menology of the Martyrs, Collected by Makariy the All-Russian Metropolitan. September, the 14th – the 24th] (1869). *Izдание Arkheograficheskoy komissii: Pamyatniki slavyano-russkoy pis'mennosti* [Publication of the Archaeography Committee: the Monuments of Slavic-Russian Literature]. St. Petersburg. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: volfs@list.ru

Tel.: + 7 (495) 694-03-71

5, Kozitskiy side-str., Moscow, 125009, Russian Federation

PhD (Philology), head of the Folklore and Folk Art Department, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation
